

УДК 32:130.3

И.В. Кологривова**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Рассматривается траектория развития современных идеологий в условиях российской политической истории постсоветского периода с акцентом на институциональных характеристиках становления публичной политики в России.

Вопрос о траектории развития политических идеологий является квинт-эссенцией любого этапа исторического развития, так как служит интеллектуальным средством структуризации социального пространства и типизации политического дискурса. Любое социальное изменение как единичный случай и «социальный хронотоп» как всеобщность диалектически взаимосвязаны с процессом воспроизводства идей [1]. Их генерирование обычно происходит в интеллектуальной среде, представляющей собой не только сеть научных институтов и центров, но и структуры средств массовой коммуникации – газеты, радио, телевидение, информационные серверы, издательства и т.д., которые служат каналами передачи закодированной информации, базирующейся на определенных идейных постулатах.

В отличие от эпохи модерна, хронологически совпадающей с реализацией «проекта Просвещения», воплощенного в идейном поиске путей развития становящегося капиталистического общества отдельных интеллектуалов (родоначальника консерватизма Э. Берка, либерализма – Дж. С. Милля, коммунизма – К. Маркса и Ф. Энгельса), эпоха постмодерна, в которую мы живем на современном историческом этапе, отдает приоритет в культивации идей не становящегося проекта будущего, а в оправдании существующего порядка вещей. Речь идет о легитимации установленного верховной властью политического порядка, мысль о которой, как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, возникает тогда, когда «объективации институционального порядка нужно передавать новому поколению» [2. С. 152].

В России становление эпохи постмодерна, в отличие, например, от стран Восточной Европы, наиболее подготовленных к периоду социальных трансформаций в силу культурных особенностей, происходило на фоне серьезных «травматических» событий, начиная с «бархатной революции» 1991 г. (в различных идеологических кругах события 1991 г. рассматриваются как «государственный переворот», «мирная революция», «крушение великой империи» и т.д.), последующих радикальных экономических реформ (приватизации, ваучеризации), «шокового» открытия правды о прошлом и заканчивая, безусловно, открытием границ во внешний мир. Именно крушение «железного занавеса» и впервые за всю историю государства Российского введение права для всех на свободное перемещение стало импульсом для становления идейной среды, рождавшейся в бурных публичных дискуссиях. *Под «идей-*

ной средой» следует понимать, прежде всего, хаотическое поле смыслов, не оформленных в структурированные мировоззренческие схемы – идеологии.

Цементирующей идеей этого поля смыслов стала вынашиваемая в анклавах прежней политической системы идея антитоталитаризма. Она несла в себе мощный психологический заряд со знаком отрицания – отрицания прошлого образа жизни. Ее носителями стали, как это ни парадоксально, сами «носители смыслов» – творческая, вузовская и инженерно-техническая интеллигенция (мы вынуждены здесь обратиться к советскому политическому языку), а также не успевшие достичь карьерных высот молодые партийные функционеры.

В ходе публичных дискуссий, транслирующихся не только на открытых уличных площадках, но и через становящуюся медиа-среду, антитоталитарные идейные импульсы постепенно начинают отпочковываться и оформляться в *некие протоидеологии, под которыми мы понимаем идейные течения, закамуфлированные использованием иной идеологической риторики* (появление, например, «зеленых», «либерал-демократов», «монархистов»).

Ключевой протоидеологией становится либерализм, который культивируется со стороны новой политической элиты через серию экономических реформ, ведущих к формированию новой социальности. В культурном плане он опирается, прежде всего, на американскую культурную программу, полностью разрушающую национальные устои (например, попытка ввести институт фермерства в аграрных провинциях).

Протоидеологической антитезой либерализму выступает традиционализм, носителями которого является старая партийная элита, лишенная привилегий, а также та часть населения, которая не смогла справиться с «культурной травмой» (термин П. Штомпки) [3]. Ключевую роль в травматизации сознания сыграл синдром «социалистической ментальности», который характеризуется двумя алогичными, формально взаимоисключающими внешними факторами. Первый из них, по мысли П. Штомпки, – «длительный «контроль над мыслями» со стороны социалистических институтов и идеологических структур, внедрение фальшивой «идеологической реальности» в человеческие мозги до такого состояния, когда она достигает области мотивации на уровне безусловных рефлексов, подсознания, глубоко заложенных психологических кодов» [4. С. 304]. Второй фактор связан с защитными механизмами личности, старающейся преодолеть условия символической реальности, которые демонстрировали обратный эффект – адаптивность к новым условиям.

Идейной основой традиционализма являются ностальгия по прошлому и идентификация лучших моментов жизнедеятельности «Я» с ним. При этом следует отметить, что традиционализм никогда не реконструируется в идеологию в силу иррациональности своей природы, но станет питательным гумусом или каменной почвой для расцвета или гибели других идеологий.

Трансформироваться из протоидеологии в идеологию в публичной политике удалось либерализму, умело абсорбировавшему антитоталитаризм в психологическом и культурном аспектах, вершиной торжества которого ста-

ли президентские выборы 1996 г., воплощенные в противостоянии Бориса Ельцина как «либерального демократа», политика Настоящего и Геннадия Зюганова, «коммуниста», политика Прошлого. Борьба Настоящего и Прошлого стала не просто идеологической борьбой: это была борьба «культурных проектов», своего рода историческая развилка.

Впоследствии либерализм стал постепенно терять антитоталитарную составляющую в силу различных причин. Во-первых, в нем разочаровалась большая часть интеллигенции, лишенная прежнего уважения к своему социальному статусу и не сумевшая адаптироваться в новых исторических условиях. Во-вторых, жертвы политических репрессий, не получившие материальной компенсации за свой исторический статус. В-третьих, борцы со старым режимом были разочарованы реализацией на практике «либерального проекта».

Государственный заказ на поиск национальной идеи (государственной идеологии) не имел успеха. Для плюралистического по многим параметрам российского общества (как по горизонтали, так и по вертикали) невозможно было сконструировать очередной идеологический проект в силу хаотичной сущности не только социального пространства, но и публичной сферы. Противостояние властных институтов (раскол в исполнительной власти, борьба исполнительной и законодательной ветвей власти, федеральных и региональных элит, демарш силовиков), вылившееся в борьбу в медиа-среде, не позволяло верховной власти создать государственную идеологию. По словам И. Засурского, в это время «подлинными партиями были телеканалы. Именно с их помощью разыгрывался политический спектакль и выстраивалась иерархия ролей на политической сцене, которая позже, непосредственно перед выборами, воплощалась в брэнды партий и политических движений, за которые предлагалось голосовать избирателям» [5. С. 98–99]. В России царил «идеологический плюрализм» (этот период очень подробно рассмотрен О.Ю. Малиновой) [6] в соответствии с давно известным тезисом «Пусть цветут сто цветов».

Реальная политическая борьба, имеющая целью контроль над стратегическими ресурсами, постепенно трансформировалась в виртуальные бои, где образы политиков и партий имели большее значение, чем декларируемые ими идеи. Новый носитель власти – масс-медиа – заинтересован в однообразии, безликости публики. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «масса вбирает в себя все знаки и смыслы, и они уже не являются знаками и смыслами. Она поглощает все обращенные к ней призывы, и от них ничего не остается. На все поставленные вопросы она отвечает совершенно одинаково» [7. С. 34–35].

Иррационализация публичной политики и размытость социальной структуры общества поставили под сомнение необходимость функционирования альтернативных идеологий как проектов *ratio*, опирающихся на конкретные социальные группы.

Следует помнить, что идеология как искусственно созданная интеллектуалами мировоззренческая схема основывается на базовых бинарных оппозициях: означивании «своих – чужих», выражении отношения к «прошлому – настоящему – будущему», идентификации по линии «Восток – Запад», а также определении желаемых моделей «гражданина – партии – государст-

ва». Наиболее сильный эмоциональный заряд несет категория «чужие», то есть определение врага, с которым надо постоянно бороться и который угрожает благополучию всех граждан. «Враг» был найден внутренний – «коммунисты», в которых многие политические акторы после президентских выборов 1996 г. уже не видели реальной угрозы. Неудачной в идеологическом плане выглядела перспектива работы с категорией «прошлое» – воспоминания о «коммунистическом прошлом» становились все более туманными, а «начало 90-х» было критиковать совсем опасно по причине нахождения у власти прежней элиты.

При таком раскладе была важна работа с ключевой категорией «будущее», которая выразилась не в реконструкции «либерального проекта», а в представлении политической элите (прежде всего региональной) и обществу верховной персоны – кандидатуры нового президента, который должен предложить свой «идеологический проект».

В свой первый этап президентства (2000–2004 гг.) Владимир Путин полностью реконструировал политическое пространство современной России, усилив позиции федерального центра. На втором этапе (2004–2008 гг.) происходят изменения в институциональной сфере: отменяются прямые выборы глав регионов, меняется механизм избрания законодательных органов власти на федеральном и региональном уровне. Верховная власть вновь обращается к поиску государственной идеологии, способной, в первую очередь, оправдать те изменения, которые произошли в политической сфере, то есть легитимизировать существующий порядок вещей. Во-вторых, идеология может стать для верховной власти объединяющей разъединенное плюралистическое (мультикультуральное) общество.

В процессе поиска государственной идеологии в России наблюдается политика универсализации политических идеологий, имеющая компилятивный эффект: это смешение либерализма, консерватизма и социал-демократизма. При этом все идеологии в современной России воспроизводятся не как рационализированные схемы, а как культурные программы.

Консерватизм выражается в известной формуле Уварова «православие – самодержавие – народность». Православие становится, по сути, государственнообразующей религией, несмотря на светский характер современного российского государства. Самодержавие проявляется в вертикализации государственных и политических институтов, подчиняющихся непосредственно или опосредованно верховному правителю и его администрации. Как точно отмечает А. Чадаев, «...реальным инструментом власти в современной системе является не административная вертикаль, а система влияния, основанная на моральном авторитете и значимости. Президент больше “жрец” или “судья”, “чем царь”. Но мера его ответственности при этом “царская”» [8. С. 9]. Народность базируется на стремлении унифицировать общество в вере в такого верховного правителя.

Фундаментом здания современного «официального» российского либерализма является, безусловно, свобода самовыражения, выражающаяся в свободе действий. Это формирование инновационного типа личности для новой экономики – «экономики знаний». По Э. Хагену, ему присущи следующие характеристики: любознательность, стремление управлять миром,

принятие на себя ответственности за плохие стороны мира, сопряженное с потоком лучших решений и попытками внести изменения, открытость и терпимость к подчиненным, одобрительное отношение к их оригинальности и стремлению к новациям [4. С. 301].

Социал-демократизм базируется на обещании равенства не только стартовых возможностей, но и результата для любого члена общества. Например, все имеют право на бесплатное образование, которое является катализатором для получения престижной работы.

Все эти идеологии опираются на определенный тип цивилизации. У консерватизма она самостоятельная, «цельная», «закрытая». У социализма и либерализма – «открытая», имеющая родственные цивилизационные связи – европейские.

В определенный исторический момент, когда наблюдается период конфронтации со странами Запада, верховная власть делает акцент на консерватизме, и тогда появляется концепция «суверенной демократии», обосновывающая право «российского народа» на самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику [9]. В период, когда важно обеспечить легитимность процедуры создания или изменения институтов, верховная власть в своих *идеологических практиках, под которыми мы понимаем речевое действие политических акторов, несущее изменение устоявшихся идейных смыслов*, начинает говорить о том, что Россия – это европейская цивилизация.

Нечеткость, расплывчатость скомпилированной идеологии позволяет проводить верховной власти прагматическую внешнюю политику, что вполне понятно в силу географического положения России.

Следует отметить, что интеллектуальные программы всех политических идеологий в России генетически произрастают не из научных центров – исследовательских институтов, а транслируются из «центрообразующего ядра власти» – президентской администрации. Этот процесс можно именовать как насаждение идеологии сверху, исходя из собственного понимания верховной власти необходимости в рекрутизации идеологий в политическое поле российской политики.

Так, в настоящее время поиск идеологии на государственном уровне проходит ее апробацию в идеологической политике «партии власти» – «Единой России». *Под идеологической политикой мы понимаем программу действий политического актора, направленную на аккумуляцию и последующую рекультивацию идейных смыслов*. Появившись на выборах в Государственную думу Российской Федерации 2003 г. как партия с прагматическими идеологическими позициями, в основе которой лежат интересы «большинства» [10], в 2006 г. «Единая Россия» в основу своей программы положила идеологию «суверенной демократии» [11], а в 2007 г. пошла на выборы с программой, в основе которой лежал «план Путина».

При этом скомпилированная идеология «партии власти» при тотализации ресурсов – контроле над медиа-ресурсами, использовании административного и силового ресурсов – становится угрозой для существования других идеологий, на которых базируются идеологические практики других политических партий. Дело в том, что у верховной власти и ее сателлита – «партии власти» есть преимущество – аккумуляция любого идейного им-

пульса в свои программные тексты и их последующее воплощение в идеологических практиках. Речь идет о создании гегемонии, о которой писал А. Грамши в своих «Тюремных тетрадах» [12]. Эта тема интересно развита у М. Ильина в статье «Умножение идеологий, или Проблема “переводимости” политического сознания». Он отмечает, что в борьбе за гегемонию обнаруживается способность к полиглотии: «преимущество получает тот, кто сможет освоить больше “языков”, чей дискурс допускает “переключения” с одного на другой язык...» [13].

Такая возможность у верховной власти имеется благодаря тотальности в вертикализации органов исполнительной власти, преодолевшей даже барьеры не входящих в эту систему органов местного самоуправления, а также благодаря абсолютному большинству в законодательных органах власти на федеральном и региональном уровнях.

Главным идейным противником «партии власти» становятся не «национал-патриоты» или «коммунисты», а «либералы», с которыми она борется по линии «порядка идей». Речь идет о классическом споре «либералов» и «демократов» (хотя для представителей «партии власти» такая риторика является имманентно чуждой). «Демократы» всегда руководствуются интересами «большинства» вопреки «либералам», учитывающим интересы «меньшинства». Опора на «большинство» поднимает проблему адекватной их интересам проводимой политики наращивания государственных расходов – рост стипендий, пенсий и зарплат, качественное государственное образование и здравоохранение – все это требует колоссальных государственных инвестиций. «Либералы» в качестве ответа на такие действия говорят об инфляционных рисках. Помимо бюджетополучателей меняются и позиции предпринимателей, которые в 90-х годах прошлого века служили существенной электоральной опорой «либералов», но теперь поддерживают «демократов»: их бизнес становится все более зависимым от характера взаимоотношений с властью и от стабильности в получении государственных заказов.

Тип политиков-либералов, имеющих в арсенале собственные исследовательские центры и институты, становится непопулярным на политическом поле современной России. В лучшем случае им отводится роль экспертов, которых не допускают к процессу принятия политических решений. В худшем – они маргинализируются. Лучше всего роль «либералов» и «демократов» выразил И. Валлерстайн, перефразировав старую шутку об отношениях богача и мудреца: «Либерал говорит демократу: “Если ты представляешь большинство, то где же твоя компетентность?” Ответ: “Если ты такой разумный, почему же ты не заставишь большинство согласиться с твоими предложениями?”» [14. С. 142].

Постепенно нелегитимизированные идеологии нивелируются, и им на смену приходят радикальные идеологии, базирующиеся не в публичной, а в теневой сфере – неофашизм, национал-социализм, неолевизм и др. Они не контролируемы, так как находятся вне поля зрения традиционной «системы координат тотального конфликта», о которой писал У. Матц [15]. Их носители вместо официальной политической борьбы за власть предпочитают уличные акции, пусть даже и не носящие массовый характер: пике-

ты, флеш-мобы, погромы и т.д.; агитацию через сеть Интернет – сайты, блоги и форумы.

По сути в настоящее время идеологическое поле российской политики можно охарактеризовать формулой, озвученной И. Клямкиным: «посмодернизм в традиционалистском пространстве» [16]. Идеология выступает интеллектуальным оправданием воссоздания традиционной системы власти во главе с верховным правителем, которому, вопреки закреплённому в Конституции РФ принципу разделения властей, подчиняются напрямую или опосредованно (через представителей) институты власти.

В постмодерновом понимании на место традиционных идеологий пришли так называемые «частные идеологии» (А. Соловьев) [17. С. 11] или то, что У. Матц назвал «дисперсией идеологического» [15]. Они пронизаны идеологемами классических идеологий, но вынуждены учитывать внешние условия в виде «текучей современности» (термин З. Баумана) [18].

В отличие от традиционалистского пространства, которое З. Бауман обозначил метафорой «твёрдое тело», в «текучей современности», в основе которой лежит метафора «жидкость», большинством управляет «ключевая и экстерриториальная элита» [18. С. 20]. В эту эпоху пространственно-временные рамки не имеют значения, в центре истории стоит преодолевающий их человек. «Быть современным, – пишет Бауман, – означает постоянно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянного неповиновения; это также означает иметь индивидуальность, которая может существовать лишь как нереализованный проект» [18. С. 36].

Что общего между традиционным постмодерновым проектом идеологии и постмодернизмом в традиционалистском пространстве? Любое современное общество является обществом плюралистическим, где традиционные формы осуществления власти уже невозможны. Следовательно, верховной власти для сохранения государственности остается одно – унифицировать общество, чтобы его политически мобилизовать. Унификация происходит на иррациональном уровне – путем эксплуатации темы страха – страха за своих близких, страха потерять достигнутый уровень благосостояния, страха перед началом новой войны, страха перед террористической угрозой и т.д. А. Филиппов замечает по этому поводу: «Та морально-политическая концепция, которая вслед за Кантом пытается апеллировать к категории долга, провалится, а та, которая будет тем или иным способом бороться с возбуждением чувств, с многообразием опыта выиграет» [19. С. 156].

Эстетика и культура в траектории развития политических идеологий в современной России пришла на смену этике и рациональности, что является импульсом для становления всего российского политического пространства.

Литература

1. *Логинов А.В.* Идеология и социальный хронотоп. Режим доступа: www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/sociemy/12/loginov.html
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социс. 2001. №1. С. 6–16.
4. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-пресс, 1996. 223 с.
5. *Засурский И.* Масс-медиа второй республики. М.: МГУ, 1999. 297 с.

6. *Малинова О.Ю.* Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России. Режим доступа: www.strategy-spb.ru/partner/files/Publ_sphere_Polis.doc
7. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 95 с.
8. *Чадаев А.* Путин. Его идеология. М.: Европа, 2006. 232 с.
9. *Стенограмма* выступления заместителя руководителя Администрации Президента – помощника Президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 года «Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности». Режим доступа: www.edinros.ru/news.html?id=111148
10. *Предвыборная* программа политической партии «Единая Россия». Утверждена 20 сент. 2003 г. на III съезде Всероссийской политической партии «Единство и Отечество» – «Единая Россия». Режим доступа: www.edinros.ru/news.html?rid=42&id=5538
11. *Программное* заявление партии «Единая Россия» «Россия, которую мы выбираем» от 2 окт. 2006 г. Режим доступа: www.edinros.ru/print.html?id=115712
12. *Граммши А.* Тюремные тетради. Режим доступа: http://lib.fictionbook.ru/ru/author/gramshi_antonio/tyuremniye_tetradi_izbrannoe/
13. *Ильин М.В.* Умножение идеологий, или Проблема «переводимости» политического сознания. Режим доступа: www.politstudies.ru/fulltext/1997/4/6.htm
14. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.
15. *Матц У.* Идеологии как детерминанты политики в эпоху модерна. Режим доступа: www.politstudies.ru/fulltext/1992/1/12.htm
16. *Клямкин И.М.* Постмодерн в традиционалистском пространстве. Режим доступа: www.politstudies.ru/fulltext/2004/1/8.htm
17. *Соловьев А.И.* Политическая идеология в российском транзите: возможности и пределы влияния // Власть. 2001. №8. С. 8–15.
18. *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
19. *Филитов А.* Эпоха карнавала // Политический журнал. 2007. №13–14. С. 156–157.